

Хэ Яньтин обеими руками поднесла императору донесение. Прочитав его, тот помрачнел.

— Ван Северного Пограничья, что это значит? — сурово спросил император.

— Ваше Величество, это наверняка происки злоумышленников, желающих меня оклеветать. Я верна вам всей душой, как я могу помышлять об измене? — невозмутимо ответила Хэ Яньтин.

— Ваше Величество, это дело требует тщательного расследования, чтобы восстановить честное имя Вана Северного Пограничья, — выступил вперед один из сановников. Его лицо было серьезным, а тон — твердым, он явно был искренне обеспокоен происходящим.

Однако там, где есть тот, кто играет доброго, всегда найдется и злой. Едва первый сановник умолк, как вперед вышел другой и громко заявил:

— Ваше Величество, не спешите доверять ей! Вчера Ван Северного Пограничья с большой помпой взяла в боковые супруги князя второго принца государства Сун, Нянь Шэнъи, чем вызвала невероятный скандал. Мало того, она тайком держит любовников, что совершенно попирает моральные нормы. Будучи супругой наследного принца, она, женщина, вознамерилась жить с тремя мужьями — это же верх нелепости и посмешище для всей Поднебесной!

Его голос, полный негодования и ярости, эхом разнесся по залу. Среди присутствующих начались споры: одни соглашались с первым сановником, требуя дознания, другие же поддерживали второго, осуждая поведение Ван Северного Пограничья. Весь императорский двор погрузился в хаос, каждый пытался высказаться о том, как разрешить эту щекотливую ситуацию.

Хэ Яньтин, виновница переполоха, усмехнулась. Обведя взглядом сановников, она с ноткой презрения произнесла:

— Господа, вы смотрите на меня свысока лишь потому, что я женщина? Да какое вы имеете право судить меня?

Она выпрямила спину, ее взгляд был полон уверенности, словно она была несокрушимой горой.

— Я команду стотысячным войском, десять лет охраняю границы, прошла через бесчисленные сражения и в каждом из них одержала победу. Народ любит и почитает меня! — голос Хэ Яньтин звучал мощно, заставляя присутствующих невольно притихнуть. — Подумайте сами: вы, стоящие здесь в высоких залах и умеющие лишь молотъ языком, кто из вас может сравниться со мной?

Она сделала паузу и продолжила:

— Прежде всего я Князь Чжэньюань, и лишь потом — супруга наследного принца. Почему вам, мужчинам, дозволено иметь трех жен и четырех наложниц, а мне, женщине, нельзя иметь трех мужей и четырех фаворитов?

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Хэ Яньтин бросила вызов устоявшимся порядкам, открыто заявив о своей позиции.

Наконец, она слегка улыбнулась, и в ее глазах блеснул огонек мудрости:

— Что же до титула супруги наследного принца, то Ваше Величество наверняка даровали мне его лишь для того, чтобы я оберегала будущего наследника. Будучи подданной, я, разумеется, исполню свой долг.

Ее слова подчеркивали верность императору и одновременно давали понять, что титул не станет для нее оковами — она исполнит свои обязанности так, как сочтет нужным.

Сановники, следившие за выражением лица императора, боялись даже дышать, опасаясь оказаться втянутыми в эту бурю. Они молча стояли, опустив головы, и гадали, куда повернет дело.

Император слегка кивнул, его лицо было мрачнее тучи. Холодно он произнес:

— Стража, взять доносчика под стражу. Разберемся во всем, когда установим истину.

В этот момент Хэ Яньтин, до того наблюдавшая за происходящим со стороны, внезапно шагнула вперед и громко прервала императора. Ее взгляд был остер, как клинок, а голос — ледяным и твердым:

— Ваше Величество, за тем, кто подал донос, наверняка стоят кукловоды. Прошу вас, расследуйте это дело до конца, накажите виновных без всякой пощады, вплоть до истребления девяти колен их семей!

В зале воцарилась мертвая тишина. Присутствующие ахнули, с ужасом глядя на Хэ Яньтин. Требование было слишком жестоким — его исполнение затронуло бы интересы бесчисленного множества влиятельных людей.

Хэ Яньтин обвела взглядом смущенных сановников и насмешливо бросила:

— Не бойтесь, господа. Я казню лишь тех, кто заслуживает смерти, невинных я не трону.

Затем она повернулась к императору и с вызовом добавила:

— Ваше Величество, вы все еще не отдадите приказ?

Император прищурился, в его глазах мелькнул гнев, но в конце концов он был вынужден уступить. Бессильно кивнув, он распорядился:

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Расследовать дело тщательно, и если найдутся те, кто дергал за ниточки — наказать без жалости!

Приказ императора вызвал ропот. Те, кто был близок к доносчику, побледнели от страха, другие же тайно вздохнули с облегчением, радуясь, что их не коснулась беда.

Хэ Яньтин, глядя на реакцию двора, лишь усмехнулась про себя. Она понимала, что это только начало, и настоящая битва еще впереди. В последующие дни началось масштабное расследование, и постепенно на свет стали выходить доказательства и улики.

В ходе этого процесса Хэ Яньтин проявила недюжинный ум и решительность. Она лично допрашивала подозреваемых, не упуская ни одной детали, поклявшись вырвать зло с корнем.

Увы, когда следствие дошло до середины, подозреваемый покончил с собой.

Однако Хэ Яньтин догадалась, что за этим стоит новый император. Используя указ, она приказала истребить девять колен семей всех причастных сановников. Столица погрузилась в кровавый хаос, а влияние нового императора при дворе сократилось на треть.

Старый лис, новый император, пришел в ярость. Смахнув со стола гору донесений, он прорычал:

— Да какой я после этого император, Хэ Яньтин!

А в это время Хэ Яньтин в своем поместье наслаждалась чаем, который заварил Сяо Юньфу.

Сяо Юньфу с улыбкой заискивающе произнес:

— Это свежий чай Лунцзин, собранный до сезона дождей. Вкус изумительный, Ван, попробуйте, как вам мое мастерство?

Хэ Яньтин с улыбкой взяла чашку и в шутку спросила:

— А не отравлен ли он?

Сяо Юньфу на мгновение опешил, а затем беспомощно ответил:

— Не хотите — не пейте. Вы первая, кому выпала честь попробовать мой чай, другим такой возможности не представится.

Хэ Яньтин сделала глоток, и аромат чая наполнил всё вокруг. Она не могла не похвалить:

— И правда, отличный чай! — она поставила чашку и, глядя на Сяо Юньфу с полуулыбкой, спросила: — Говори, раз уж угощаешь таким чаем, у тебя есть ко мне просьба?

Сяо Юньфу хихикнул и почесал затылок:

— Ван, вы как всегда проницательны. На самом деле, ничего особенного. Просто хотел спросить: нельзя ли мне поехать с вами на дворцовый банкет в честь цветения персиков через три дня? Я устал сидеть в поместье, хочется развеяться.

Лицо Хэ Яньтин помрачнело. Она с грохотом поставила чашку на стол. Взглянув на Сяо Юньфу острым, как у ястреба, взглядом, она строго спросила:

— Ты заперт в поместье, кто рассказал тебе об этом?

Служанка Инхуа, стоявшая неподалеку, задрожала, ее лицо мгновенно побелело. Она поспешно опустилась на колени, умоляя о прощении:

— Прошу, госпожа, простите меня. Раньше вы всегда посещали банкеты одна, я лишь подумала, что если вы возьмете с собой Господина Фуюня, вам будет не так одиноко.

Сяо Юньфу тоже выглядел обиженным, в его глазах блестели слезы, а голос дрожал:

— Ради того, чтобы выжить, я отказался от собственного достоинства и высокого происхождения. Теперь я лишь хочу быть вашим покорным фаворитом. Но вы? Вы клялись любить и оберегать меня, а на деле держите взаперти, лишая свободы. Я целый месяц заперт в этих четырех стенах, глядя на небо в квадрате двора — кто поймет мою тоску?

Хэ Яньтин слегка приподняла уголки губ в самоироничной усмешке:

— Инхуа, знаешь ли ты? Я не чувствую себя одинокой. Женщины из знатных семей живут в слишком тесном мирке, нам не о чем говорить, а молодые господа слишком поверхностны, я не считаю нужным с ними общаться. Дело не в том, что я не могу влиться в их круг, а в том, что они не способны войти в мой мир, они не стоят моего внимания.

Она сделала паузу, и ее взгляд стал жестче:

— А ты, Сяо Юньфу, неужели ты почувствовал себя обиженным всего за месяц? Правила, установленные вами, мужчинами, гласят: с рождения женщина заперта в доме отца, после замужества — в доме мужа, а в старости — в доме сына. Всю жизнь они скованы цепями и лишены свободы. А вы, мужчины?

Голос Хэ Яньтин зазвучал громче, в нем слышались гнев и горечь:

— Сегодня я лишь нарушила правила, установленные вами, мужчинами: я вышла на поле боя как женщина, вошла в императорский зал, взяла трех мужей и четырех фаворитов. Неужели вы настолько невыносимы, что не можете этого принять? Неужели ваше достоинство настолько хрупко?

<http://bllate.org/book/22130/2305507>